

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ

ЗОРКО только сердце, самого главного глазами не увидишь — эти слова Сент-Экзюпери могли бы стать эпиграфом к образу царя Федора Иоанновича, созданному молодым артистом Владимиром Особиным в спектакле «Царь Федор Иоаннович», поставленном заслуженным деятелем искусств РСФСР и Грузинской ССР Р. С. Агамирзяном.

...Идет напряженная борьба за власть. С одной стороны — клан Шуйских. Это сила, отстаивающая старые порядки и обычаи. Впрочем, за старые порядки и обычаи, быть может, борется один Иван Шуйский. А для Василия Шуйского все эти разговоры о «старине» — почти откровенная маска в той хитрой игре, которую он ведет и с Шуйским и с Годуновым на пути к престолу. Остальным боярам все равно, какие будут порядки, лишь бы они, Шуйские, этими порядками правили.

С другой стороны — Годунов, фигура значительная, муж поистине государственного ума, тонкий и дальновидный политик. В глубине одиночества борется он за судьбу России — его сторонники, так же как и сторонники Шуйских, мечтают только о личной власти.

Власть для этих людей — неоспоримая ценность. Распорядиться судьбой девушки или царицы, выдать замуж, развести с мужем, убить Годунова, убить Шуйского... Что значит чьи-то чувства, чья-то любовь или человеческая жизнь, когда речь идет о борьбе за власть?

Но на этом пути и у Годунова с его сторонниками, и у Шуйских стоит человек, живущий по другим законам. Личность, через сердце которой проходит вся боль этого мира, — царь Федор Иоаннович. Он — совесть своих подданных, но в сердечной слепоте своей они думают, что он — их слабость, похлеба, блаженный «пономарь», «расселина» в чистом поле.

В нем до болезненности разлиты чувство справедливости и вера в возможности гармоничного, согласного существования людей. Но это не пассивная доброта и не пассивная вера. Путь царя Федора — это тоже путь борьбы, но за власть сердца, за общий мир и согласие.

В рамках спектакля Владимир Особик выстраивает свою четкую линию развития образа. И здесь надо сказать об удивительной пластике артиста. Это его способ мышления, его второй голос, особая интонация, тонкое выражение эмоционального строения образа.

Вспомните первый выход царя — состояние испуга (нонь под ним вздыбился), тело скованно, локти прижаты к бокам. Появление Ирины раскрепощает Федора. Он начинает двигаться по сцене свободно. Руки взлетают, они активно стремятся сделать емкими те чувства и образы, которыми в данную минуту живет царь.

Сцена примирения Шуйского с Годуновым — исполнение мечты царя. И хотит он еще сравнительно неторопливо, движения плавные, красивые, гармоничные.

Убыстряется темп событий, стремительнее движется неправда на неправду. Убыстряется и внутренний ритм развития образа, а вместе с ним — и внешний. Уже Особин не ходит по сцене, а летает. Именно летает, раскинув руки, как крылья, от Ирины к Годунову, от Годунова — к Шуйскому, от Шуйского — к Ирине. Нервная угловатость движений, неожиданно

И СПОЛНЕНИЕ роли царя Федора Иоанновича молодым актером Театра имени Комиссаржевской Владимиром Особиным получило признание не только в Ленинграде (Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества присудило ему премию за лучшую роль года). На Всесоюзном смотре творческой молодежи в 1973 году за создание этого образа В. Особину были присуждены I премия и звание лауреата.

Творчество молодых

данность взлетов и пауз. Напряженно вслушивается в каждую реплику, всматривается в лица собеседников, зажмуривает глаза, чтобы не видеть эти лица, кричит, шепчет — это сердце вслушивается в чужую речь, сердце всматривается в сплетение лжи и предательства.

Кульминация образа — реакция на измену Ивана Шуйского. Нервное напряжение царя достигает наивысшей точки, потому что сердце Федора — Особина ведет его сквозь сиюминутность поступков, вызывает и изначальной доброте и побеждает.

Никогда больше князь Иван не поднялся бы против царя. Но в этот момент на Федора обрушивается новое испытание — известие о том, что Шуйский хочет развести его с Ириной. И это — самый страшный удар для царя. Посягнули на его святиню — на человеческое сердце, на любовь. И царь больше не видит сердцем, он больше не способен разбирать, в чем тут истина и где логика. Нет больше пауз раздумья. Прекращается полет и начинается метание по сцене. Как безумный бросается он с печатью в руке и приказу об аресте Шуйского. Не припечатывает — падает сверху на стол, одним движением решая судьбу князя Ивана и свою. Потому что с этой минуты начинается гибель царя.

Его внутреннее состояние в следующей картине — это агония. В страшном душевном мраке стремится он органично войти в чуждую для него роль Ивана Грозного. Нет больше летящей белой птицы. Движения канули порою даже замедленными: только руки резко и однообразно взлетают вверх.

Но это временное помутнение души. Стоит только царю на секунду поверить, что Годунов не виновен в преступлении и он кричит в испуге: «Прости меня!»

Но сердце престоерегает от самообмана. И в следующую минуту, отпрыгнув от Годунова, царь прижимается спиной к стене, вытянув вперед руки, как бы отталкивая Бориса: «Я правду от неправды не отличу!» И это конец. Точка. Раз сердце больше не видит истины, значит, окончен и путь борьбы.

«Аринушка!» — предсмертный вопль.

«Аринушка!» — незрячее лицо обращено в пустоту.

Обустился на пол на авансцене: «А я хотел добра, Арина!»

Я хотел

Всех согласить, все сгладить...» Но сердце победило. Оно выдержало испытание злом. Царь Федор не поддавался искушению, не ступил на путь неправды и насилия, на который толкали его люди и обстоятельства. Потому что ничто не властно над зорким и добрым человеческим сердцем. Этот моральный итог нравственной борьбы царя — Особина — мажорный аккорд трагедии.

ВЛАДИМИР Особик окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии в 1966 году. В Театре имени Комиссаржевской до роли царя Федора сыграл Принца в «Принце и нищем», Нодара — «Если бы небо было зеркалом» Н. Думбадзе и Г. Уордклипанидзе, Джими — «Продавец дождя» Н. Р. Нэша. В этих ролях в том или ином варианте начала звучать в его творчестве тема нравственного возмужания и становления личности.

В роли Человека от театра («...Забывать Герострата!») он присутствует на сцене на протяжении всего спектакля, но больше молчит, чем говорит и действует. Но молчание его значительно. Каждая реплика, произнесенная неторопливо или страстно, — плод раздумий, которые происходят на наших глазах.

В спектакле «Иосиф Швейк против Франца-Иосифа» молодой актер сыграл гротесковую роль сыщика Бретшнейдера, показав при этом широкий диапазон своих возможностей. В спектакле он один из тех исполнителей, чья манера игры ближе всего отвечает замыслу режиссера-постановщика Р. С. Агамирзяна и форме самого спектакля. И в этой роли пластика, пожалуй, — главное средство выразительности, к которому обращается артист.

Сыграно еще немного ролей. Но сейчас уже определилась главная тема творческой индивидуальности В. Особика: стремление к решению нравственных проблем, тема человеческого возмужания, ответственности за других людей, сердечного прозрения.

Н. МИНИНА

СМЕНА
г. Ленинград

19 MAR 1974